

ТИПОЛОГИЯ ЭЛЛИНИСТИЧЕСКИХ БАКТРИЙСКИХ ХРАМОВ И КУЛЬТ ОГНЯ

И.Н. Коровчинский

Аннотация. Содержание статьи представляет собой полемику с типологией эллинистических бактрийских храмов, предложенной Б.А. Литвинским и И.Р. Пичикияном в их труде «Эллинистический храм Окса в Бактрии». Подвергается сомнению предложенное ими отнесение храма Окса в Тахти-Сангине к храмам огня, а остальных – к «храмам с двухчастным поперечным делением» (они же «храмы со статуей»). Вместо этого предлагается объединить храм Окса и храм в Дильберджине в один тип, определение которого как «храмы огня» также оспаривается, в т. ч. на основании анализа аналогичных сооружений за пределами Бактрии, которые Литвинский и Пичикиян типологизируют как святилища огня – «аяданы» в Сузах, «храма с пьедесталом» в Персеполе и раннего храма в Кух-и Хвадже. Применительно к последним автор статьи разделяет позицию большинства современных специалистов, согласно которым данные святилища либо не относятся к храмам огня, либо не имеют сходства с храмом Окса. «Храм с уступчатыми нишами» и «храм за стенами» в Ай-Ханум автор статьи относит к разным типам, каждый из которых не имеет известных к настоящему времени аналогов в эллинистической Бактрии.

Ключевые слова: археология, архитектура, эллинизм, Бактрия, древний Иран, храмы, культ огня, Тахти-Сангин, Дильберджин, Ай-Ханум.

TYOLOGY OF THE TEMPLES OF HELLENISTIC BACTRIA AND THE FIRE CULT

I.N. Korovchinskiy

Abstract. The article is dedicated to polemics with the typology of Hellenistic Bactrian temples proposed by B. Litvinskiy and I. Pichikyan in the 1st volume of their work *Ellinisticheskiy Khram Oxa v Bactrii (Hellenistic Oxus Temple in Bactria)*. The attribution of the Oxus temple in Takht-e Sangin to fire temples and the rest of the aforementioned sanctuaries to the type of “temples with twofold cross division” or “temples with a statue” is disputed. Instead the author of the article proposes to unite the Oxus temple and the temple of Dilberjin in one type, the definition of which as ‘fire temples’ is also doubted on the ground of analysis of similar buildings outside Bactria (the ‘ayadana’ of Susa, the Pedestal Temple of Persepolis and the early sanctuary of Kuh-e Khwaja). Regarding the latter the author agrees with the majority of modern specialists who do not consider the first two ones fire temples and doubt the architectural similarity of the third one to the temple of Takht-e Sangin. This leads to new polemics with Litvinskiy and Pichikyan who regard those sanctuaries as fire temples analogous to the Oxus temple. The two temples of Ai Khanoum are ascribed to two different types having no known analogies in Hellenistic Bactria.

Keywords: archaeology, architecture, Hellenism, Bactria, ancient Iran, temples, fire cult, Takht-e Sangin, Dilberjin, Ai Khanoum.

Целью данной статьи является полемика с типологизацией храмов эллинистической Бактрии¹, предложенной Б.А. Литвинским и И.Р. Пичикияном в первом томе их труда «Эллинистический храм Окса в Бактрии». Данные авторы делят эллинистические бактрийские храмы на два типа: 1) «храмы огня», 2) «храмы с двухчастным поперечным делением», они же «храмы со статуей». К первому типу, по их мнению, относится храм Окса в Тахти-Сангине (рис. 1), ко второму – «храм с уступчатыми нишами» (рис. 2) и «храм за стенами города» (рис. 3) в Ай-Ханум, а также «храм Диоскуров» в Дильберджине (рис. 4) [Литвинский, Пичикиян, 2000, с. 202–300].

К типу храмов огня они относят также ряд святилищ за пределами Бактрии: т. н. «аядану» в Сузах (рис. 5), т. н. «храм с пьедесталом» (часто называемый также «храмом фратадар») в Персеполе (рис. 6) и наиболее раннее святилище в Кух-и Хвадже (Систан) (рис. 7). По их мнению, эти храмы объединяет наличие у них портика², фланкированного крыльями, и центрального зала с 4 колоннами. Поскольку в крыльях храма Окса были обнаружены алтари огня, они полагают, что таковые имелись и в крыльях других аналогичных храмов, в силу чего данными авторами предлагается определение указанного типа культовых построек как храмов огня [Литвинский, Пичикиян, 2000, с. 208–240].

Аналогами «храмов с двухчастным поперечным делением» за пределами Бактрии указанные авторы считают храмы Зевса Мегистоса и Артемиды в Дура-Эвропос, а также «здание с парадной лестницей» в Ашшуре (все эти сооружения датируются парфянским периодом), и склонны связывать данный тип храмов с культом статуи божества, а не огня [Литвинский, Пичикиян, 2000, с. 283–296].

Можно ли, однако, согласиться с данной типологией? Если мы посмотрим на планы рассматриваемых бактрийских храмов, то увидим, что «храм с уступчатыми нишами» в Ай-Ханум действительно обладает двухчастным поперечным делением. Он в плане делится на две равные части, одна из которых представляет собой единое большое прямоугольное помещение (пронаос), а другая – целлу, фланкированную двумя коридорами-сокровищницами. Но уже в «храме за стенами города», представляющем собой в плане П-образную цепочку помещений, проследить подобное деление весьма сложно. Б.А. Литвинский и И.Р. Пичикиян в описании данного храма [Литвинский, Пичикиян, 2000, с. 289–290] не указывают, в чем конкретно выражается наличие в нем поперечного двухчастного деления.

Что же касается «храма Диоскуров» в Дильберджине, то данные авторы утверждают, что «двухчастное деление в нем («храме Диоскуров». – И.К.) не столь четко, как в храмах Ай-Ханум», и далее пишут, что «передняя часть храма представлена пронаосом, заключенным между двумя башнями, имеющими соответственно

¹ Следует подчеркнуть, что речь в статье пойдет именно о храмах, а не о других сакральных сооружениях (мавзолеях, культовых платформах и т. д.).

² Б.А. Литвинский и И.Р. Пичикиян постоянно обозначают портики храмов местным среднеазиатским термином «айван», однако мы предпочитаем термин «портик», поскольку айваном принято называть также полукупольное оформление фасада, что может создать определенную путаницу.

по одному помещению – 8 и 9. Задняя часть храма состояла из центральной большой целлы (2) и опоясывающего ее обводного П-образного коридора, составленного из трех вытянутых помещений – 4, 1, 5» [Литвинский, Пичикян, 2000, с. 291]. Таким образом, первой частью храма эти археологи предлагают считать портик, фланкированный крыльями, а второй – основное ядро храма. Однако такое деление представляется весьма «натянутым». Портик и крылья по бокам от него имеются и в храме Окса. Возникает вопрос: почему же в таком случае в этом последнем храме нельзя выделить такое же двухчастное поперечное деление, как и в «храме Диоскуров» и, соответственно, отнести его к тому же типу храмов? Кроме того, в «храме Диоскуров» с еще большим правом можно выделить и третью «поперечную» часть – коридор позади зала. Не правильнее ли в таком случае назвать его храмом «с трехчастным поперечным делением», нежели «с двухчастным»? Более того, в храме Окса также имеются целых два схожих коридора позади центрального зала. Что же касается определения «храм со статуей», то и его можно отнести также и к храму Окса. Нам уже доводилось писать о возможном наличии культовых статуй в центральном зале этого храма [Коровчинский, 2012а, с. 43–45].

Б.А. Литвинский и И.Р. Пичикян пишут следующее о «храме Диоскуров»: «Самая близкая аналогия этому храму – храм в центре Ай-Ханум (имеется в виду «храм с уступчатыми нишами». – И.К.). Соответствие заключается в двух удлинённых святилищах по сторонам от целлы. Общность также в том, что оба храма не греческие по архитектуре. Среди отличий П. Бернар отмечает отсутствие высокого подия со ступеньками, к которым следует добавить отсутствие уступчатых ниш, характерных для храмов Ай-Ханум» [Литвинский, Пичикян, 2000, с. 292]. Однако обе указанные черты можно найти и в храме Окса: его архитектура также не греческая (за исключением ионических капителей колонн портика, но аналогичные капители имелись и в «храме с уступчатыми нишами» [Bernard, 1969, p. 350–353]), и по бокам от центрального зала в нем также имелись коридоры. Черты же отличия этих двух храмов далеко не ограничиваются указанными Б.А. Литвинским и И.Р. Пичикяном со ссылкой на Бернара. В «храме с уступчатыми нишами» нет ни портика, ни фланкирующих его крыльев, а зал, фланкированный двумя коридорами, находится не в центре, а в задней части храма, будучи отделенным от входа вторым залом, которого в дильберджинском храме нет³.

С другой стороны, если присмотреться к планировке «храма Диоскуров», то обнаружится, что практически все ее детали находят параллели в храме Окса. Как в храме Окса, так и в «храме Диоскуров», имеются портик, фланкированный крыльями, и центральный зал, окруженный с трех сторон коридорами. Отличия между этими двумя храмами состоят в том, что в храме Окса позади зала имеются, как

³ Можно привести еще точку зрения К. Рапена, считающего, что в целом план храма в Дильберджине напоминает план храма Окса, однако наличие коридоров по бокам от целлы сближает его с «храмом с уступчатыми нишами», а наличие непосредственного выхода из целлы во двор – с «храмом за стенами города» [Рапен, 1994, с. 136]. Однако обе последних детали можно найти в том же храме Окса, так что едва ли правильно в данном случае «умножать сущности сверх необходимого».

мы уже отмечали выше, не один, а два коридора один позади другого, что кровля зала опиралась на четыре колонны, по-видимому, отсутствовавшие в дильберджинском храме, и что его крылья делятся на несколько помещений, в то время как в дильберджинском храме каждое из них включало в себя лишь одно помещение. В целом можно сказать, что «храм Диоскуров» в плане представляет собой своего рода «сокращенный» вариант храма Окса. В его планировке нет ни одной детали, отсутствующей в храме Окса, но в этой последней имеется ряд дополнительных деталей, отсутствующих в «храме Диоскуров». Однако в таком случае едва ли разумно относить данные два храма к разным типам. Гораздо правильнее было бы отнести их к одному типу.

Можно ли, однако, определить данный тип храмов как «храмы огня»? «Храм Диоскуров» в Дильберджине хорошо раскопан и подробно описан И.Т. Кругликовой. Однако в ее монографии, посвященной данному храму [Кругликова, 1986], мы не нашли сведений о постоянном наличии в нем культа огня, тем более как основного. Б.А. Литвинский и И.Р. Пичикян утверждают, что во всех выделенных ими «храмах огня» алтари огня располагаются в крыльях по бокам от портика, но относительно «храма в Дильберджине» сами отмечают, что «ни о каких алтарях, жертвенных или других подобных сооружениях в центре или в углах помещений 8 и 9 первого строительного периода И.Т. Кругликова не упоминает» [Литвинский, Пичикян, 2000, с. 292]. Помещения 8 и 9 – это на плане И.Т. Кругликовой как раз и есть интерьеры упомянутых крыльев, первый строительный период – эллинистический или близкий по времени к эллинизму. В представленном ею описании помещений 8 и 9 отсутствуют упоминания об алтарях, обожженности, зольности. В помещении 8 в древнейшем (эллинистическом или близком по времени к периоду эллинизма) слое из крупных объектов найдены только база углового пилястра и суфа, в помещении 9 – еще одна база пилястра, а также остатки росписей [Кругликова, 1986, с. 15–17]. П. Бернар обратил внимание на тот факт, что стены помещений, в которых располагались алтари огня (атешгахов), ввиду неизбежности покрытия их копотью, не могли расписываться [Bernard, 1990, p. 55]. Следовательно, помещение 9, в котором имелись остатки росписей, не могло быть атешгахом. Наличие подобной функции у помещения 8 также ничем не подтверждается. Во втором строительном периоде, который И.Т. Кругликова датирует раннекушанским временем (предположительно правлением Куджулы Кадфиза), следов культа огня также нет, в т. ч. в крыльях [Кругликова, 1986, с. 34–45]. Лишь в 3-м строительном периоде (времен Канишки, согласно Кругликовой) в левом крыле появился алтарь огня, однако уже в следующем, 4-м строительном периоде он был срезан [Кругликова, 1986, с. 60, 108]. Очевидно, что наличие культа огня не было обязательным элементом религиозной жизни храма в Дильберджине, если брать все периоды его истории, в т. ч. он там отсутствовал в эллинистический период.

Что касается тех сооружений вне Бактрии, которые Б.А. Литвинский и И.Р. Пичикян считают сходными с храмом Окса и относят к храмам огня, то относительно «аяданы» и «храма с пьедесталом» в Персеполе также нет данных, однозначно

говорящих о них как о святилищах огня. Правда, в литературе их уже называли храмами огня, в т. ч. их первооткрыватели, однако четких доказательств этого так не было приведено, в связи с чем в более поздней литературе иранисты уже отказываются квалифицировать данные сооружения таким образом. Храм же в Кух-и Хвадже на позднем (сасанидском) этапе своего существования несомненно был храмом огня, что позволяет с большой долей вероятности предположить такую же функцию и у более ранних сооружений, стоявших на его месте. Однако в случае с этим последним многие специалисты высказывают обоснованные сомнения уже в том, был ли он действительно похож по планировке на храм Окса.

«Аядана» в Сузах была раскопана в 80-х гг. XIX в. французской экспедицией М. Дьёлафуа. В плане она действительно оказалась похожа на открытый значительно позднее храм Окса. В ней имелись портик, фланкированный крыльями, и зал с четырьмя колоннами, окруженный коридорами с четырех сторон [Dieulafoy, 1891, p. 411–414]. В задней стене храма М. Дьёлафуа реконструировал дополнительный вход, однако эта часть храма в действительности не была им раскопана, а реконструкция была проведена по аналогии с персидскими гаремами XIX в. [Dieulafoy, 1891, p. 412, note 2], что делает ее весьма сомнительной.

Французский исследователь предположил, что данный храм тождествен тем культовым сооружениям, которые обозначаются в Бехистунской надписи словом *ayadana*, однако не привел тому конкретных доказательств. В дальнейшем название «аядана» закрепилось за данным храмом как условное и ставится в кавычки. Также М. Дьёлафуа в своем описании храма называет ее храмом огня. В качестве единственного конкретного обоснования он предлагает тот факт, что в 4-колонный зал «аяданы» нельзя было заглянуть со двора, т. к. вход в храм ведет не напрямую в этот зал, а сначала в перпендикулярный входу коридор. Лишь пройдя по данному коридору направо или налево, можно было свернуть и попасть в центральный зал. М. Дьёлафуа сопоставил это с существующим у зороастрийцев запретом на созерцание священного огня кем-либо, кроме жрецов, и предположил, что в центральном зале «аяданы» горел священный огонь [Dieulafoy, 1891, p. 415]. Он даже обозначил пунктиром на плане «аяданы» круглый алтарь огня, местоположение которого он реконструировал в самом центре зала между четырьмя колоннами [Dieulafoy, 1891, p. 413, fig. 264]⁴. Но никаких сведений о том, что такой алтарь или какие-либо другие следы священного огня были фактически найдены им при раскопках в храме, М. Дьёлафуа не приводит.

В свете вышеперечисленных фактов следует отметить, что, во-первых, нет уверенности в том, что запрет на созерцание священного огня, четко фиксируемый в зороастрийских источниках нового времени (например, в риваяте Дараба Хормазияра XVII в.) [Литвинский, Пичикян, 2000, с. 359], существовал уже в древности. Павсаний (V, 27, 3) утверждает, что «знает как очевидец» (θεασόμενος οἶδα) ритуалы, совершаемые лидийскими «магами» перед священным огнем, горевшим

⁴ См. ил. 5 к нашей статье.

в специально предназначенном для него *о́йкнια* (атешгахе). На рельефе гробницы Дария I в Накш-и Рустаме алтарю огня предстоит сам царь [Houtkamp, 1991, p. 24]. Между тем, нет данных о том, что цари Ахеменидской династии были облечены жреческими полномочиями. Наконец, крупнейший специалист по зороастризму М. Бойс считает светским лицом (воином) одного из адорантов алтаря огня, представленных на рельефе из Даскилейона (Малая Азия, ахеменидский период) [Boyse, 1982, p. 147].

Посмотрев на планировку «аяданы» вместе с примыкающим к ней двором, нетрудно заметить, что прямому обозрению двора извне храмового комплекса мешала преграда, аналогичная той, которая препятствовала обзору храма из двора. Означает ли это, что во дворе храма тоже имелся алтарь огня и входить во двор имели право только жрецы?⁵ Если это так, то остается непонятным, зачем нужно было скрывать от жрецов зал.

Более того, в других храмах, аналогичных «аядане» по планировке – храме в Персеполе и храме Окса в Тахти-Сангине – вход ведет непосредственно в зал, и преграда, мешающая обозреть зал снаружи, отсутствует. Если бы данная преграда была связана с зороастрийским запретом, то пришлось бы сделать вывод, что храмом огня была лишь «аядана», но не другие два упомянутые святилища. Это противоречит идее Б.А. Литвинского и И.Р. Пичикяна о том, что все три названных храма являлись храмами огня. В храме Окса алтари огня располагались не в центральном зале, а в крыльях по бокам от портика. Б.А. Литвинский и И.Р. Пичикян полагают, что там же они находились и в «аядане». Но в таком случае вопрос возможности или невозможности заглянуть в центральный зал «аяданы» из портика не имеет отношения к запрету на обозрение алтаря огня. В итоге выходит, что обоснования атрибуции «аяданы» и храма Окса как храмов огня, предложенные Дьёлафу с одной стороны и Литвинским и Пичикяном с другой, противоречат друг другу, и с ними невозможно соглашаться одновременно. Обоснование же Литвинского и Пичикяна сводится, по сути, к одному – сходству планировок «аяданы» и храма Окса.

Но с планировкой храма Окса сходна также и таковая храма в Дильберджине, однако в этом последнем следы культа огня были найдены только в 3-м строительном периоде. Что касается предполагаемого наличия алтаря огня в крыльях «аяданы», то интерьер этих крыльев не был раскопан М. Дьёлафу. На современном этапе выяснить содержимое крыльев уже нельзя, «аядана» была варварски снесена бульдозером не позднее 1962 г. [Schippmann, 1971, p. 269; Haerincq, 1984, p. 303]. Соответственно, данными о наличии или отсутствии алтарей огня в этих крыльях наука не располагает. Параллели с храмом Окса и храмом в Дильберджине показывают, что такого рода алтари могли там как иметься, так и не иметься.

⁵ Во дворе «аяданы» были найдены плиты, возможно, представлявшие собой остатки алтаря [Dielafoy, 1891, p. 414], однако нет доказательств того, что это был именно алтарь огня. Возможно, что данный алтарь аналогичен алтарям во дворе храма Окса, но о сомнительности связи этих последних с культом огня мы также уже писали [Коровчинский, 2012b].

Стоит заметить, что уже П. Бернар в 1969 г. заметил, что ««храм огня» в Сузах получил такое название на основании весьма малочисленных доказательств» [Bernard, 1969, p. 337, note 1]. Позднее А.-П. Франкфор даже предложил считать «аядану» не храмом, а светским зданием [Francfort, 1977, p. 279–280]. Данная точка зрения была поддержана также Р. Бушарла [Boucharlat, 1984, p. 129], К. Рапеном [Рапен, 1994, с. 133] и, с некоторой осторожностью, Д. Поттсом [Potts, 2007, p. 284]. Впрочем, она вызывает сомнения по причине сходства «аяданы» с храмом Окса. Более взвешенной и корректной представляется позиция Д. Стронаха и М. Бойс, считавших данное сооружение храмом, однако не нашедших доказательств наличия в нем культа огня [Stronach, 1985, 619–621; Бойс, 2003, с. 133].

Недавно А. Плонтке-Люнинг вновь написала об «аядане» как о храме огня, однако не привела никаких аргументов в пользу подобной интерпретации. Судя по ссылке на «Эллинистический храм Окса» Литвинского и Пичикяна, которой сопровождается ее описание «аяданы», она приняла их логику, с которой мы здесь полемизируем [Plontke-Lüning, 2009, p. 208–209]. Можно отметить также точку зрения Дж. Чокси, который не берется утверждать с уверенностью, является ли «аядана» храмом огня, однако отмечает, что «ее архитектура (physical structure) в широком смысле согласуется с архитектурой более ранних зданий, в которых располагались алтари огня в мидийский период, и с более поздними зданиями, которые выполняли сходные функции при парфянах (Аршакидах) и Сасанидах» [Choksy, 2007, p. 243]. На это можно возразить, что «аядана» столь же несомненно схожа с «храмом Диоскуров» в Дильберджине. Единственные существенные отличия между ними состоят в том, что в Дильберджине центральный зал был обведен коридорами лишь с трех, а не с четырех сторон, и в нем не было четырех колонн, остальное схоже. Но в «храме Диоскуров», тем не менее, не было алтарей огня на протяжении большей части его истории.

С другой стороны, М. Шенкар в своей недавней рецензии на 3-й том «Храма Окса» Б.А. Литвинского напрямую выражает несогласие с его точкой зрения на «аядану» и в принципе высказывает сомнение в применимости термина «храм огня» к сооружениям до сасанидского периода [Shenkar, 2012, p. 137].

Так называемый «храм с пьедесталом» в Персеполе был открыт в 1932 г. экспедицией Чикагского университета под руководством Э. Херцфельда, но не был раскопан полностью. Он оказался очень крупным зданием с запутанной планировкой, часть которой, однако, весьма напоминает «аядану» и храм Окса. Эта часть состоит из портика, фланкированного небольшими комнатами, и четырехколонного зала, окруженного четырьмя коридорами. К сожалению, опубликован данный храм был лишь весьма кратко: в первый раз в 1938 г. А. Годаром и во второй в 1953 г. Э. Шмидтом [Godard, 1938, p. 59–60; Schmidt, 1957, p. 56]. Первый написал, что коридор справа от зала был «вместилищем огня» (*réduit du feu*), и в нем «до сих пор *in situ* видна каменная плита, на которой стоял алтарь огня (*On y voit encore en place la dalle de pierre qui portait l'âteshdān*)» [Godard, 1938, p. 59–60]. Но, судя по тому, что в настоящем времени он пишет лишь о плите, а об алтаре – в прошедшем,

можно сделать вывод, что алтарь как таковой не был найден. При этом неясно, на каком основании был сделан вывод о том, что на плите ранее располагался именно алтарь огня, а не что-либо иное.

В 1941 г. Э. Херцфельд поместил в своей работе «Иран на Древнем Востоке» фотографию четырехколонного зала храма в Персеполе, в глубине которого располагалась массивная плита, с подписью «Храм фратадар, целла с четырьмя базами колонн и ступенями алтаря огня» [Herzfeld, 1941, pl. LXXXV]. Наименование храма позднее оказалось ошибочным, происходящим от смешения его с соседним храмовым зданием, в котором были найдены рельефы, один из которых изображал мужчину, похожего на изображения полунезависимых правителей эллинистической Персиды фратарак (устаревшее чтение – фратадар) на их монетах. В 1985 г. Д. Стронах высказал остроумное предложение назвать рассматриваемый нами храм «храмом с пьедесталом» (Pedestal Temple), чтобы отличить его от соседнего «храма фратадар» [Stronach, 1985, p. 616]. Мы считаем данное предложение правильным, хотя в более поздней литературе название «храм фратадар» продолжает применяться к данному храму.

Однако на фотографии Херцфельда не видно, чтобы плита несла на себе какие-либо следы золы, обожженности или имела иные признаки, говорящие о том, что она служила постаментом именно для алтаря огня, а не для чего-либо иного (например, статуи). Вполне вероятно, что то же относится к плите, описанной А. Годаром, фотографии которой отсутствуют.

В 1953 г. новый руководитель персепольских раскопок, Э. Шмидт, выпустил сводное многотомное издание, в котором обобщались результаты исследований данной ахеменидской резиденции. В нем был опубликован план интересующего нас храма и соседнего с ним «храма фратадар», дополненный их кратким описанием. В этом описании перечислен целый ряд найденных в обоих храмах объектов, включая даже такие, как керамика, веретена, точильные камни, грузила для ткацких станков, но совершенно не упомянуты алтари огня и вообще какие-либо признаки культа огня. Лишь о плите в глубине четырехколонного зала Шмидт пишет: «ступенчатый каменный постамент, находящийся в этом помещении, считается (is assumed to be) алтарем огня», как бы, не присоединяясь лично к этому мнению [Schmidt, 1957, p. 55–56]. Разумеется, можно предполагать, что алтари огня в данном храме были настолько сильно разрушены, что на них не обратили внимания во время раскопок⁶, однако никаких конкретных доказательств этого нет, и с тем же успехом можно предположить, что алтарей огня в рассматриваемом храме вообще не было.

В 1969 г. П. Бернар впервые высказал недвусмысленный скепсис в отношении определения «храма с пьедесталом» как святилища огня. Он указал на то, что зороастрийские рельефы находятся в другом здании, нежели тетрастильный зал, и что постамент в глубине зала мог быть не только алтарем огня, но также,

⁶ Устное предположение А.С. Балаханцева.

например, базой статуи [Bernard, 1969, p. 337, note 1]. Это вскоре нашло фактическое подтверждение. В. Клайсс в 1979 г. обнаружил зарисовку и обмеры постамента, находящегося в глубине тетрастильного зала, выполненные в начале 60-х гг. Ф. Хинценом. Сопоставив обмеры «алтаря» с пропорциями алтарей огня, изображенных на рельефах ахеменидских гробниц в Накш-и Рустаме и Персеполе, В. Клайсс пришел к заключению, что полная его высота должна была составлять около 2,25 м, т. е. была заметно выше нормального человеческого роста. Ясно, что пламя, поднятое на такую высоту при отсутствии постоянной лестницы, было бы неудобно поддерживать, поэтому создавать подобный алтарь огня не имело смысла. В. Клайсс предположил, что постамент скорее мог служить опорой для статуи [Kleiss, 1981, p. 63].

Действительно, согласно Й. Хоуткампу, проанализировавшему все сохранившиеся до нашего времени остатки и изображения ахеменидских и эллинистических алтарей огня, их высота различается незначительно, составляя в среднем 1,1 м [Houtkamp, 1991, p. 24]. Сама их форма, сначала сужающихся, а затем расширяющихся кверху, в сочетании с большими размерами алтаря была бы серьезным препятствием для подъема на их вершину [Stronach, 1967, pl. XXVI A; Buchanan, 1966, seal 3 698; Schmidt, 1957, seals 20, 22, 23, 29]. Все это заставляет признать логику В. Клайсса убедительной.

Точка зрения В. Клайсса была поддержана крупнейшей исследовательницей зороастризма М. Бойс. Во 2-м томе своей «Истории зороастризма» она сообщила о наблюдении, сделанном в начале 70-х гг. А.-Б. Тилиа, руководительницей итальянской экспедиции в Персеполе, которая также осмотрела постамент в глубине тетрастильного зала и заметила на верхней поверхности постамента следы металлического штифта, который, по ее мнению, мог предназначаться для крепления статуи. Опираясь на это наблюдение, М. Бойс сделала четкий и недвусмысленный вывод о том, что храм в Персеполе был не храмом огня, а святилищем со статуей божества [Boyse, 1982, p. 225]. Позднее она даже предпочла считать его не культовым, а жилым зданием [Бойс, 2003, с. 134]

В 1993 г. один из ведущих специалистов по Персеполю, Х. Кох, подвела итог исследованиям 80-х гг., впервые ясно написав, что, по ее мнению, в Персеполе полностью отсутствуют какие-либо следы культа огня. Она выразила полную солидарность с позицией В. Клайсса [Koch, 1993, p. 178].

Б.А. Литвинский и И.Р. Пичикян попытались вновь доказать, что постамент в глубине зала был связан с культом огня и, приведя возражение Клайсса, ответили на него следующим образом: «...Возможна и другая интерпретация, а именно что постамент является тем основанием, на которое ставили переносной керамический или металлический сосуд с огнем» [Литвинский, Пичикян, 2000, с. 237]. Но находка на постаменте крепежного штифта ясно указывает на то, что на нем размещался стационарный, а не переносной объект. Литвинский и Пичикян знают об этой находке и комментируют ее так: «...Никак не доказано, что в западном храме

(в Персеполе. – И.К.) был постамент для статуи. Столь же вероятно, что каменный блок был основанием алтаря огня, и металлический штифт служил для крепления его отдельно вытесанной верхней части» [Литвинский, Пичикян, 2000, с. 237]. Но в таком случае возражение Клайсса вновь оказывается в силе, и получается, что Литвинский и Пичикян противоречат сами себе, «помещая» на постаменте персепольского храма то переносной сосуд с огнем, то стационарный алтарь огня.

В 2008 г. П. Калльери опубликовал результаты нового обследования постамента в глубине зала, в результате которого на последнем была выявлена выемка, «негативно» повторявшая форму крепившейся на нем статуи, что устранило всякие сомнения в отсутствии связи между данным объектом и алтарем огня⁷. В 2011 г. М. Шенкар в своей статье «Храмовая архитектура в иранском мире эллинистического периода», основываясь на этих данных, вполне убедительно определил «храм с пьедесталом» как святилище со статуей божества, но не храм огня [Shenkar, 2011, p. 118–120].

Еще одним храмом, на который Б.А. Литвинский и И.Р. Пичикян указывают как на близкую параллель к храму Окса, является древнее святилище на вершине Кух-и Хваджи – скалистого острова длиной 3 км и высотой 133 м, расположенного посередине озера Хамун в Систане (восток современного Ирана). Монументальные развалины, хорошо видимые там по сей день, являются руинами сасанидского храма огня, но под ними хорошо прослеживаются остатки более древних храмов, которые Дж. Гуллини, руководитель итальянской экспедиции, исследовавшей остров в 1960–1961 гг., объявил похожими на «аядану» в Сузах.

На предложенной Дж. Гуллини реконструкции плана здания, отнесенного им к V–IV периодам существования памятника, совпадавшим, по его мнению, с парфянским периодом истории Ирана, действительно видно сооружение, во многом сходное с «аяданой» (рис. 8). Два крыла имеют выходы в колонный портик, в свою очередь соединяющийся с обводным коридором и двумя (а не одним) крупными крытыми помещениями, которые этот коридор окружает. Свод ближайшего к выходу помещения опирается, как свод зала в «аядане», «храме с пьедесталом» и храме Окса на четыре колонны [Gullini, 1964, tavola VI].

Сам Дж. Гуллини признает, что монументальные остатки сасанидского времени позволили ему вскрыть лишь часть более древнего здания, стоявшего на том же месте [Gullini, 1964, p. 263], поэтому действительный облик фасада ему установить не удалось. Он сознательно реконструировал эту часть здания по аналогии с «аяданой», культовыми постройками сирийских Хаурана и Леджи, а также храмовым зданием в раннепарфянском некрополе Новой Нисы [Gullini, 1964, p. 283, 423]⁸.

⁷ К сожалению, нам не удалось непосредственно ознакомиться с данной работой П. Калльери, поэтому информация взята из рецензии на нее [Boucharlat, 2009, p. 541].

⁸ Материалы последней, видимо, были использованы для реконструкции колоннады портика, т. к. портик нисийского храма не был фланкирован никакими дополнительными помещениями [Пугаченкова, 1958, с. 62–66].

Очевидно, что реконструкция, созданная на столь эклектичной основе, не может не вызвать сомнения.

От предполагаемого обводного коридора сохранился лишь северо-восточный угол, т. е. весьма незначительная часть того, что показано на плане [Gullini, 1964, p. 283]. В связи с этим возникает вопрос, действительно ли речь идет об аналогии сузского обводного коридора или о коридорообразном помещении другого рода, возможно, меньших размеров, соединявшимся с остальными помещениями как-либо иначе.

С другой стороны, Дж. Гуллини пишет о двух залах как о действительно раскопанных помещениях [Gullini, 1964, p. 283–284]. Но никаких реальных следов четырех опор в ближайшем к выходу зале обнаружено не было. Гуллини выводит их существование из того факта, что в парфянский период зал 12 × 8 м не мог быть перекрыт единым сводом. Однако никаких доказательств того, что дополнительных опор было именно четыре, а не две или шесть, он не приводит [Gullini, 1964, p. 284]. Вероятнее всего, их число было выбрано по аналогии с главным залом сасанидского чахар-така, стоявшим позднее на том же месте [Gullini, 1964, p. 283–284], а также с «аяданой».

Итак, именно те детали, которые наиболее явно роднят парфянское здание в Кух-и Хвадже с сузским храмом, не были надежно выявлены в результате раскопок. В то же время наличие двух залов, из которых ближайший к выходу имеет больший, а дальний – меньший размер, не находят аналогий ни в «аядане», ни в «храме с пьедесталом», ни в храме Окса.

Остатки более раннего, VI периода, отождествленного с ахеменидским, сохранились еще хуже, что признает сам Дж. Гуллини [Gullini, 1964, p. 274]. В разделе, касающемся собственно описания находок, им посвящены всего два небольших абзаца, включающих также характеристику строительной техники. От VI периода хорошо сохранилась южная (наиболее удаленная от храма) стена двора толщиной 2 м [Gullini, 1964, p. 107, 261–262, 254–258]. Кроме того, были найдены параллельные ей остатки фасадной стены храма, но столь плохо сохранившиеся, что оказалось невозможным выявить даже местоположение двери [Gullini, 1964, p. 107–108, 262–263]. Боковые стены двора пришлось реконструировать по аналогии с южной стеной [Gullini, 1964, p. 263]⁹.

Дж. Гуллини признает, что портик не был найден. По его словам, он реконструировал его «не только по аналогии с Сузами, но и в силу указания, содержащегося в наличии своеобразных “кулис” (quinte), которые образует очертание стен двора по отношению к фасаду храма» [Gullini, 1964, p. 268]. Очевидно, имеется в виду то, что южная стена двора была длиннее фасада. Признание в сознательном перенесении

⁹ О том, что боковые стены были реконструированы, Дж. Гуллини пишет в аналитической части работы, а в собственно описательной части упоминает о «квадратных пустотах» боковых стен наряду с действительно раскопанными частями [Gullini, 1964, p. 108]. Но это может быть результатом обычного для этого автора смешения действительных находок с реконструкциями.

на храм в Кух-и Хвадже черт «аяданы» весьма знаменательно. О наличии крыльев по бокам от портика применительно к VI периоду Дж. Гуллини ничего не сообщает, хотя на плане здания VI периода [Gullini, 1964, tavola VI] они показаны. Если бы эти крылья были найдены в слое VI периода, то при реконструкции здания V–IV периодов Дж. Гуллини ссылался бы на эту находку, а не на «сопоставления с другими зданиями» (*confronti con altri edifici*) [Gullini, 1964, p. 283]. Поэтому весьма вероятно, что данные крылья, как и портик, были реконструированы «по аналогии с Сузами».

Впрочем, в предложенном им описании храмового здания VI периода нет прямых указаний на то, что речь идет о реконструкции. Однако оно до деталей совпадает с описанием постройки V–IV периодов [Gullini, 1964, p. 268]. Судя по тому, что в описании находок не сказано ни слова об остатках этого сооружения, за исключением фасадной стены, можно предположить, что, за недостатком прямых данных, Дж. Гуллини попросту перенес на него черты более позднего здания.

Хотя в тексте Дж. Гуллини имеется множество указаний на неполноту сохранившихся остатков и вынужденные реконструкции, на предложенных им планах как VI (рис. 7), так и V–IV периодов реконструированные части никак не отделены от достоверных, что способно ввести в определенное заблуждение. Однако описания достаточно ясно говорят, как об отсутствии у достоверных частей здания серьезного сходства с «аяданой», так и о причине, по которой Дж. Гуллини выбрал именно ее план в качестве основы для своих реконструкций. Он отождествляет Кух-и Хваджу со священной горой Ушидао, упоминаемой в Авесте, и на данном основании считает все святилища, когда-либо стоявшие на этой горе, зороастрийскими [Gullini, 1964, p. 247]. В связи с этим его внимание не могла не привлечь книга К. Эрдемана «Иранское святилище огня», остававшаяся в 60-х гг. лучшим обзором истории храмов огня. В концепции К. Эрдемана важное место занимала «аядана», которую он считал одним из ярких примеров ранних (досасанидских) храмов огня (основываясь при этом на аргументации М. Дьёлафуа, которую мы проанализировали выше) [Erdmann, 1941, p. 4–15, 22]. В разделе, посвященном VI периоду, Дж. Гуллини уделяет значительное внимание изложению взглядов К. Эрдемана, и в первую очередь на «аядану» [Gullini, 1964, p. 266–267]. Это объясняет, почему на реконструкции сохранившиеся части раннего храма были дополнены деталями, взятыми из плана «аяданы». Однако в настоящее время, когда степень уверенности исследователей в том, что «аядана» была храмом огня, значительно уменьшилась, реконструкцию, основанную на том, что она была таковым, следует признать весьма спорной.

Мы далеко не первые, кто отнесся критически к реконструкциям Дж. Гуллини. Уже в 1965 г. скептическое отношение к ним выразил Дж. Туччи в своей рецензии на монографию Дж. Гуллини о Кух-и Хвадже. Он писал: «Современное состояние знаний не позволяет нам согласиться с утверждением, согласно которому строение периода VI в Кух-и Хвадже является “древнейшим (храмом), сохранившим типично ахеменидский облик” даже в том случае, если дальнейшие раскопки окончательно подтвердят, что первоначальный вид храма был близок к реконструкции Гуллини, т. е. схож с храмом в Сузах. Мы бы хотели, чтобы план здания, “объединяющий

сохранившиеся структуры, обладающие одинаковыми техническими характеристиками" (таблица V), содержал отметки, соответствующие упомянутым в тексте "логичным, но осторожным дополнениям", если последние вообще возможны при незначительной площади раскопок (ср. таблицу IV)» [Tucci, 1965, p. 145].

Итак, коллега и соотечественник Дж. Гуллини упрекает его в том, что на предложенном им плане VI периода раскопанные части не отделены от реконструированных, и сомневается в самой возможности достоверной реконструкции из-за незначительности действительно выявленных остатков здания. Он напрямую высказывает сомнение в действительном сходстве храма в Кух-и Хвадже с храмом в Сузах.

Позднее Р. Гиршман, касаясь плана здания VI периода в Кух-и Хвадже, также заметил: «К сожалению, эта ценная реконструкция не обоснована никакими научными раскопками», хотя тут же прибавил, что «наблюдения опытного человека могут заслуживать доверия» [Ghirshman, 1976, p. 205]. Последнее добавление было, вероятно, продиктовано соображениями такта. Однако очевидно, что конкретные обоснования реконструкции Дж. Гуллини не убедили Р. Гиршмана.

Значительно более резко и определенно высказался Р. Бушарла: «Мы не станем останавливаться на комплексе Кух-и Хваджа... Памятник, сохранившийся до нашего времени, относится к эпохе Сасанидов. Дж. Гуллини реконструировал план ахеменидского периода на основании этих, относящихся к значительно более позднему времени, развалин, черпая вдохновение (*en s'inspirant*) также в сузской аядане. Отметим, что этот план нельзя назвать достоверным и что само существование памятника ахеменидского времени нуждается в доказательстве» [Boucharlat, 1984, p. 130].

С другой стороны, Д. Стронах анализирует предложенный Дж. Гуллини план здания VI периода так, как если бы тот заслуживал полного доверия [Stronach, 1985, p. 618–619], хотя в сноске отмечает, что тот «основан на незначительных зондажах» (*is based on soundings of no more than modest extent*) [Stronach, 1985, p. 618, note 49]. То же можно сказать и о М. Бойс, с тем лишь отличием, что по ее мнению, обводной коридор появился лишь в парфянский период [Бойс, 2003, с. 136].

К выводам Дж. Гуллини отнеслись с доверием также Б.А. Литвинский и И.Р. Пичикян. Они пишут: «Дж. Гуллини с сожалением констатирует, что им не были открыты все сооружения VI фазы на верхней террасе из-за более поздних строений, поэтому он ограничивается рассмотрением открытой раскопками простой планиметрической схемы: храм – дворик» [Литвинский, Пичикян, 2000, с. 220]. Еще ниже эти авторы отмечают, что «план нижнего храма¹⁰ раскопщик реконструировал на основании незначительных зондажей» [Литвинский, Пичикян, 2000, с. 221]. Тем не менее, подробно перечисляя все детали плана Дж. Гуллини, они не рассматривают ни одну из них как реконструированную по аналогии с другими сооружениями

¹⁰ Очевидно, имеется в виду храм самого нижнего VI слоя.

[Литвинский, Пичикян, 2000, с. 219–222]¹¹ и даже выражают недоумение относительно причины, по которой в книге Дж. Гуллини «не дано заполнение» крыльев, «словно их вообще не было» [Литвинский, Пичикян, 2000, с. 221]. Очевидно, они не обратили внимания на прямое сообщение Дж. Гуллини о том, что эти помещения действительно не были найдены им *in situ* [Gullini, 1964, p. 283]. Следует заметить, что в труде Б.А. Литвинского и И.Р. Пичикяна практически отсутствуют ссылки на раздел монографии Дж. Гуллини, посвященный V–IV периодам, в рамках которого и дается обоснование большинства реконструкций. Возможно, незнание с данным разделом и привело их к ошибочным заключениям.

На основании доверия к реконструкции Дж. Гуллини эти авторы делают вывод о том, что данный храм был похож на храм Окса, что его крылья служили атешгахами. Вышеприведенные доводы позволяют усомниться в справедливости данного заключения. Верной представляется точка зрения Дж. Туччи (в то время как подход Р. Бушарла, полностью отрицающего наличие досасанидских сооружений на Кух-и Хвадже, несомненно, гиперкритичен). Таким образом, единственный случай, когда здание, которое с высокой степенью вероятности могло быть храмом огня, оказалось бы в то же время сходным с храмом Окса, следует признать недостоверным.

Мы видим, что здания с планировкой, близко напоминающей планировку храма Окса, сложно назвать «храмами огня». В храме Окса алтари огня имелись, в «храме Диоскуров» на протяжении большей части его истории отсутствовали. Не было их, по-видимому, и в персепольском «храме с пьедесталом», а относительно «аяданы» в Сузах неизвестно, были они там или нет, поскольку данный храм не был раскопан полностью, а позднее был уничтожен. Что касается раннего храма в Кух-и Хвадже, то он, скорее всего, был храмом огня, однако нет доказательств сходства его планировки с таковой храма Окса. Можно сделать вывод о том, что наличие алтарей огня в зданиях подобного рода было факультативным, и данный тип зданий неверно определять как «храмы огня». Правильнее было бы предложить ему иное название (например, «храмы с центральным залом и фланкированным портиком»).

В Бактрии к данному типу относятся, как мы видели, храм Окса в Тахти-Сангине и «храм Диоскуров» в Дильберджине. Что касается «храма с уступчатыми нишами» и «храма за стенами города» в Ай-Ханум, то их планировки настолько различаются даже между собой, что их тоже правильнее отнести к разным типам. Несомненными аналогами «храма с уступчатыми нишами», на что уже указывали Б.А. Литвинский и И.Р. Пичикян, являются некоторые храмы Дура-Эвропос. Аналоги «храма за стенами города» еще предстоит найти в ходе будущих исследований. Что же касается недавно открытого эллинистического храма в Термезе (на Кампыртепа), то об отнесении его к определенному типу говорить затруднительно в связи с его недостаточной исследованностью [Ртвеладзе, 2017, с. 165].

¹¹ Лишь в одном месте они замечают: «Что касается двора, то некоторые окружающие его помещения частично реконструированы с востока и запада, по аналогии с южной стороной» [Литвинский, Пичикян, 2000, с. 220], хотя все помещения в боковых стенах двора VI периода представлены на плане Дж. Гуллини совершенно идентичными.

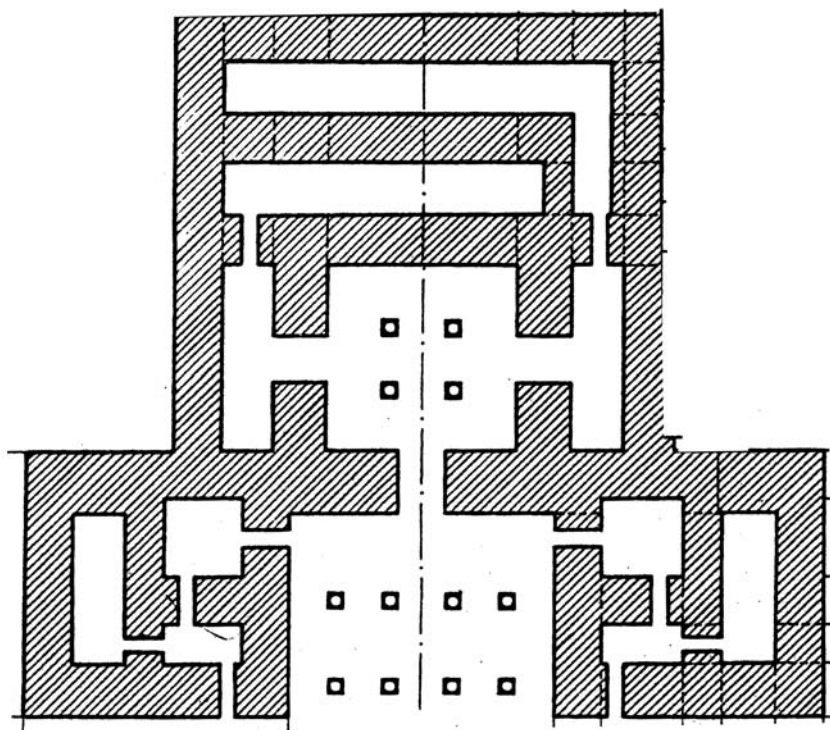

Рис. 1. Храм Окса в Тахти-Сангине (по [Литвинский, Пичикян, 2000])

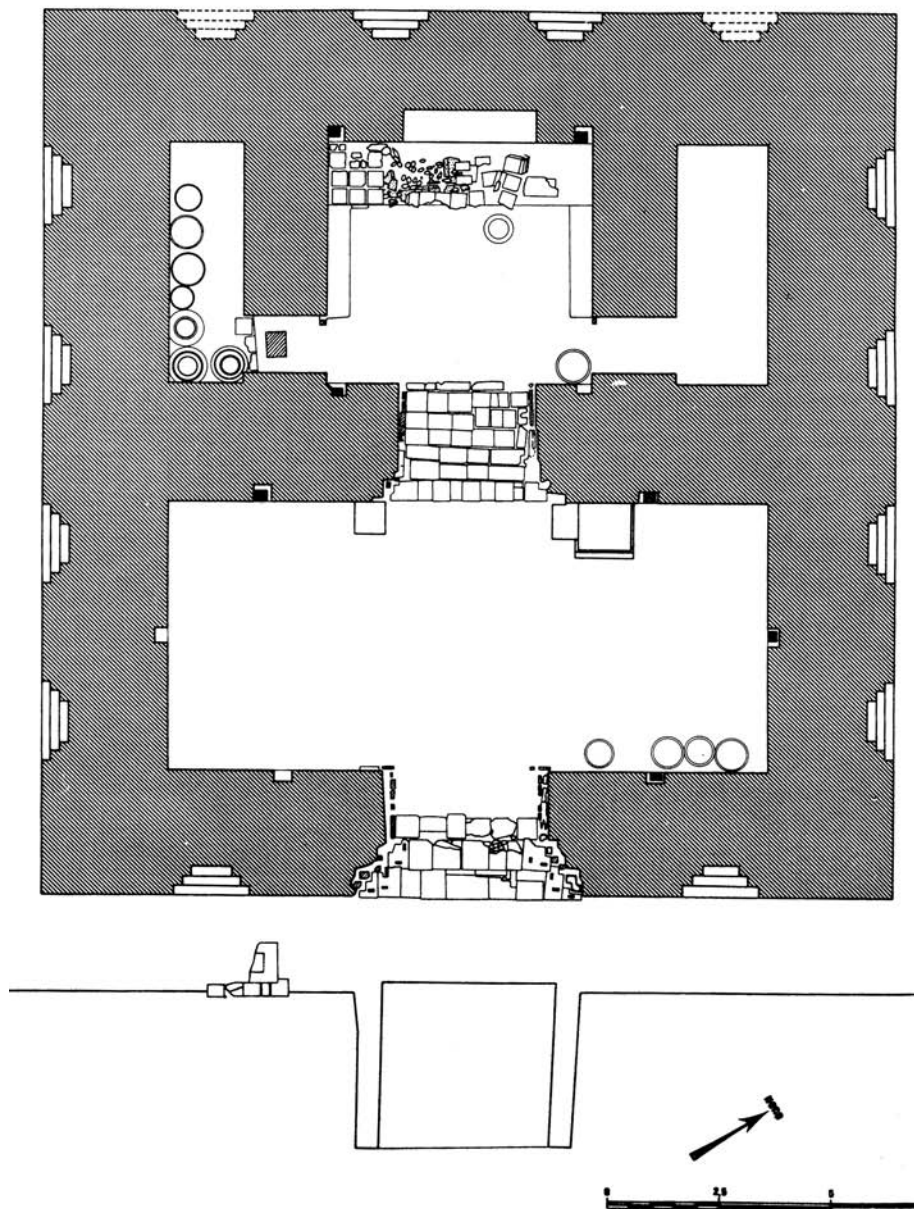

Рис. 2. «Храм с уступчатыми нишами» в Ай-Ханум (по [Bernard, 1970])

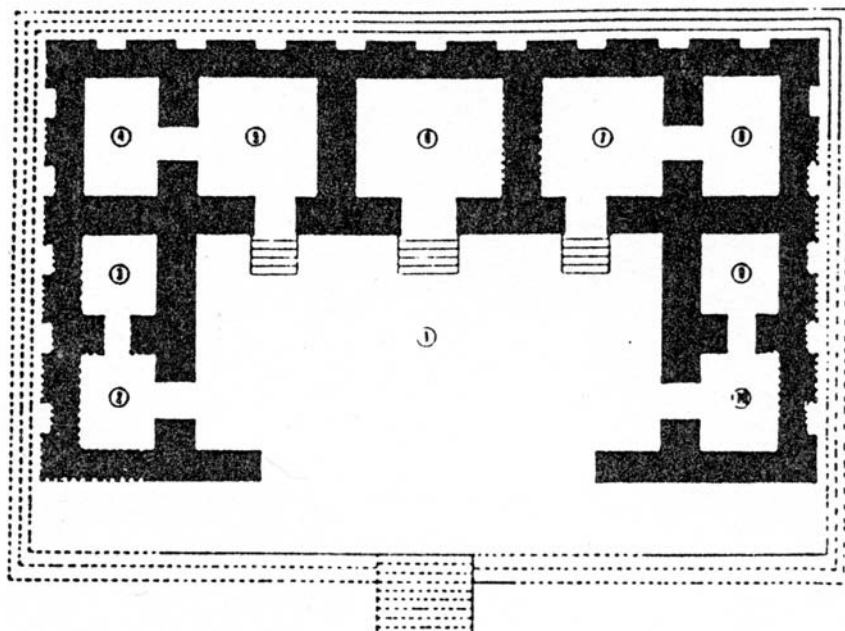

Рис. 3. «Храм за стенами города» в Ай-Ханум (по [Литвинский, Пичикян, 2000])

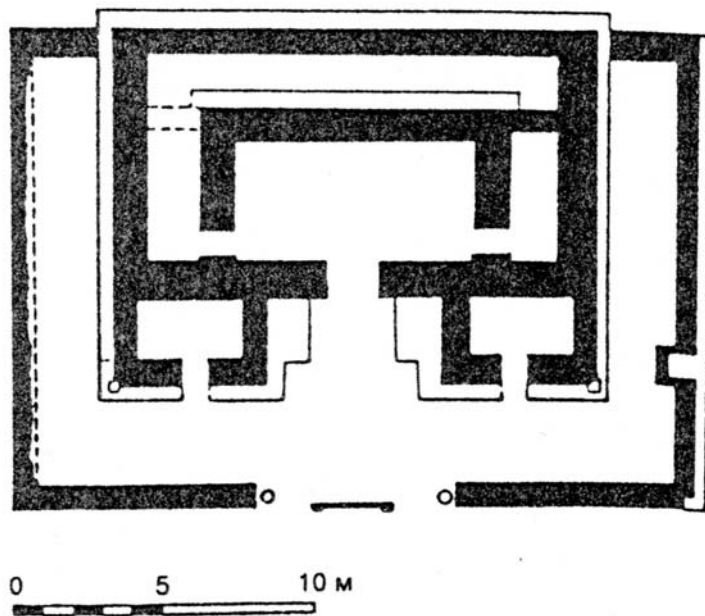

Рис. 4. «Храм Диоскуров» в Дильберджине (по [Литвинский, Пичикян, 2000])

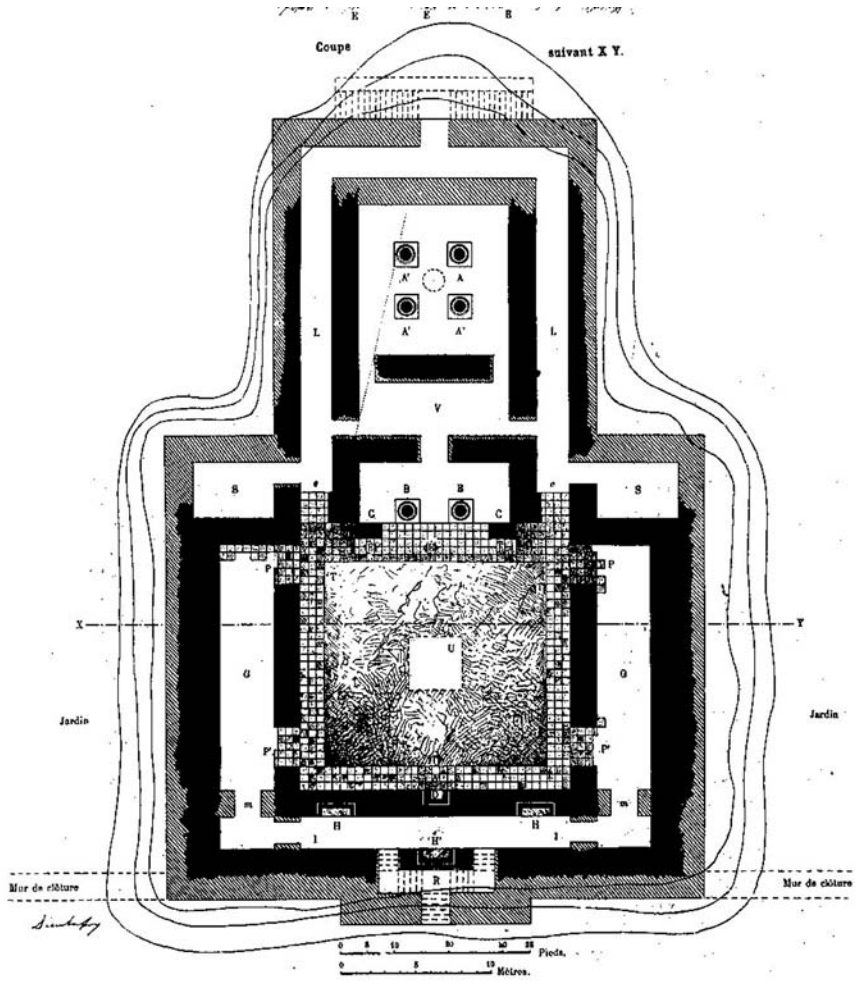

Рис. 5. «Аядана» в Сузах (по [Dieulafoy, 1891])

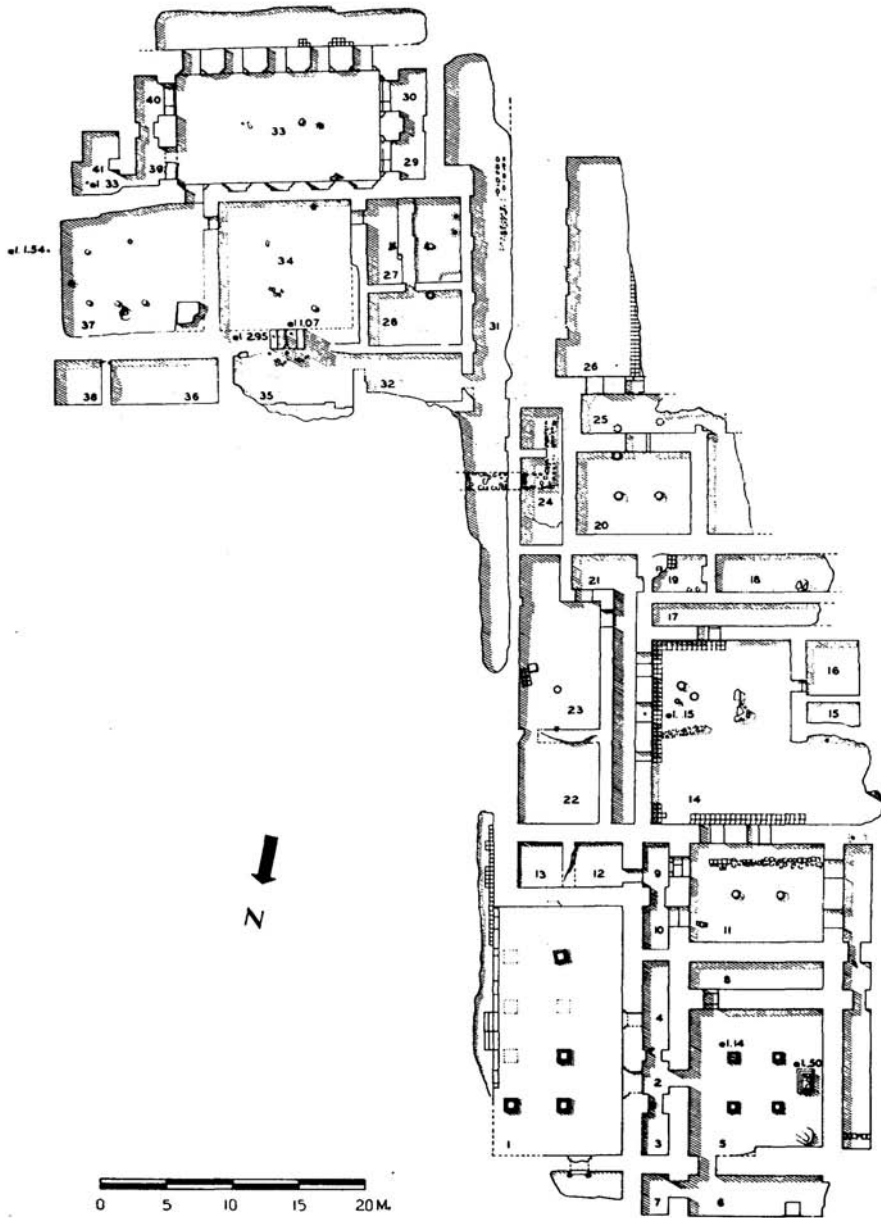

Рис. 6. «Храм с пьедесталом» в Персеполе (по [Stronach, 1985])

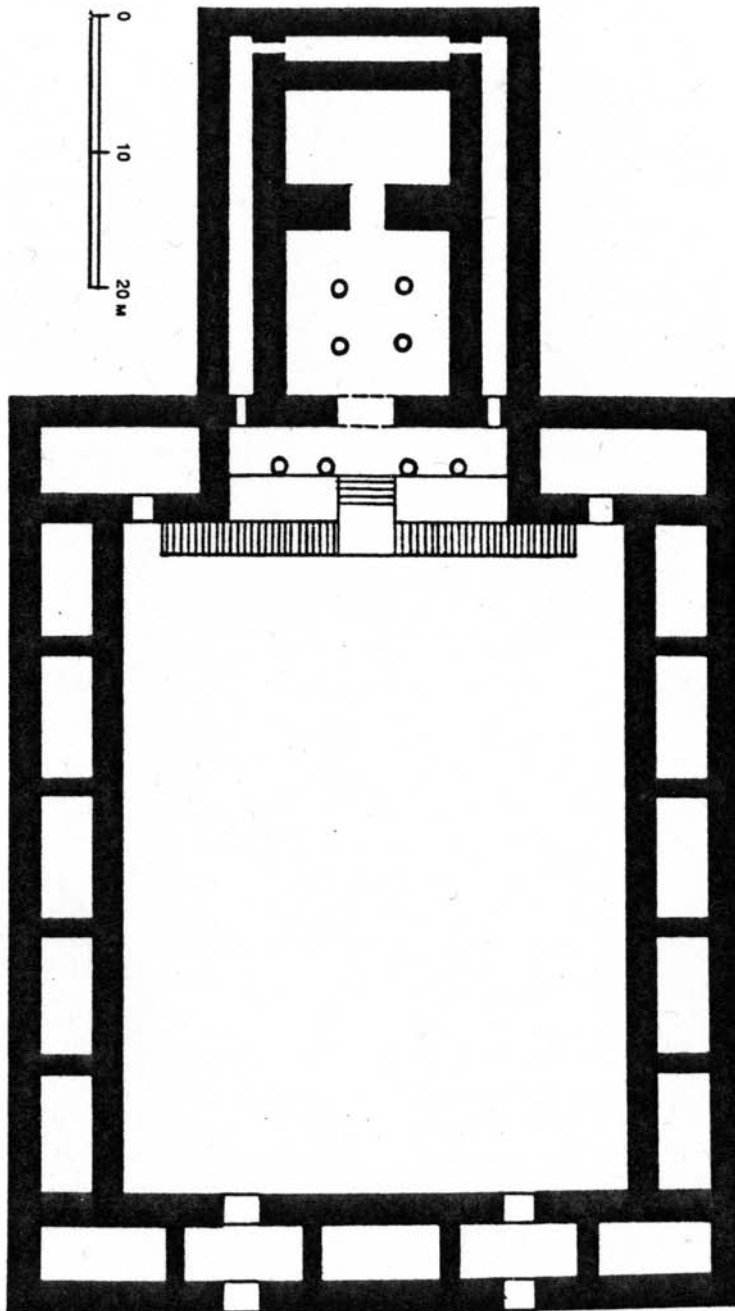

Рис. 7. Храм в Кух-и Хвадже VI периода (реконструкция Дж. Гуллини, по [Литвинский, Пичикян, 2000])

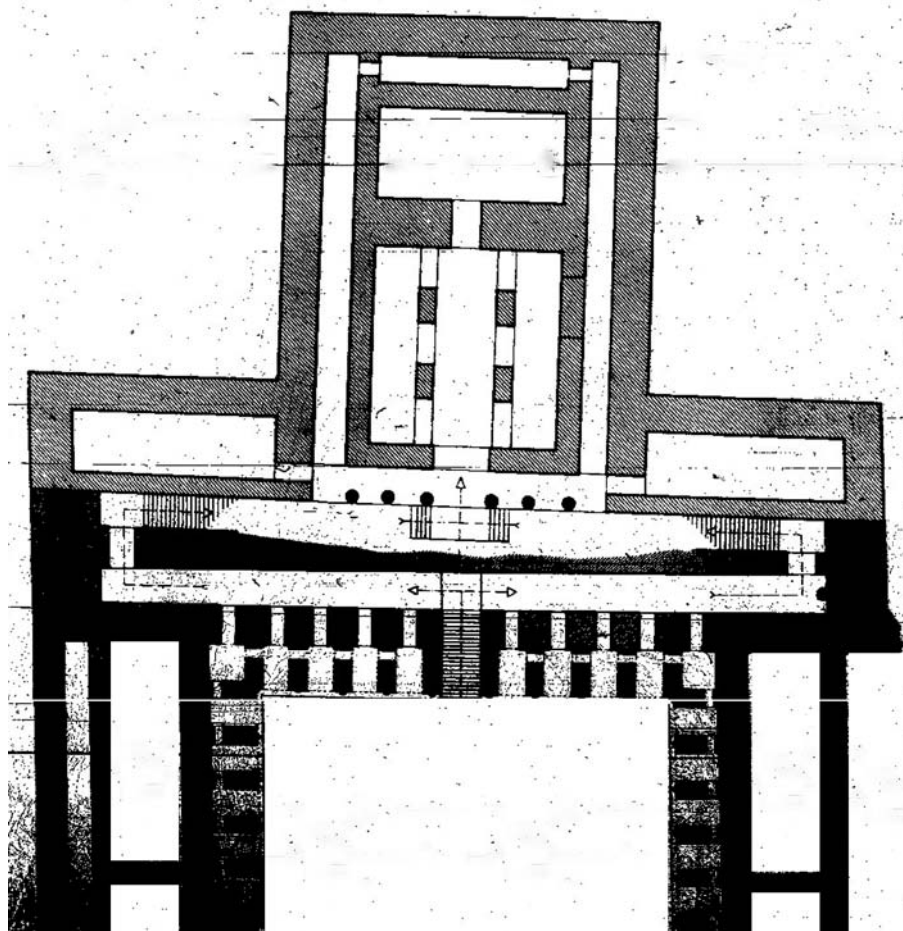

Рис. 8. Храм в Кух-и Хвадже V–IV периодов (реконструкция Дж. Гуллини, по [Gullini, 1964])

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- Бойс М. Зороастрийцы: верования и обычаи. СПб.: Азбука-классика; Петербургское Востоковедение, 2003. 352 с.
- Коровчинский И.Н. Иерархия культовых объектов в храме Окса в Тахти-Сангине // *Вестник Московского областного университета*. 2012а. № 4. С. 37–45.
- Коровчинский И.Н. Монументальные алтари храма Окса и его культы // *Вестник Московского областного университета*. 2012b. № 5. С. 46–50.
- Кругликова И.Т. Дильберджин. Храм Диоскуров: материалы советско-афганской археологической экспедиции. М.: Наука, 1986. 120 с.
- Литвинский Б.А., Пичикян И.Р. Эллинистический храм Окса в Бактрии (Южный Таджикистан). Т. 1: Раскопки. Архитектура. Религиозная жизнь. М.: Вост. лит., 2000. 503 с.
- Пугаченкова Г.А. Пути развития архитектуры южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма (Труды ЮТАКЭ). Т. 6. М.: Изд-во АН, 1958. 492 с.
- Рапен К. Святые места Средней Азии в эпоху эллинизма (состояние вопроса) // *Вестник древней истории*. 1994. № 4. С. 128–140.
- Ртвеладзе Э.В. Фрурион – святилище Кампыртепа. (Некоторые итоги археологических исследований 2000 – весны 2016 г.) // *Вестник древней истории*. 2017. № 1. С. 152–175.
- Bernard P. Quatrième campagne de fouilles à Ai Khanoum (Bactriane) // *Comptes rendus des séances de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres*. 1969. Vol. 113. № 1. P. 313–355.
- Bernard P. L'architecture religieuse de l'Asie Centrale à l'époque hellénistique // *Akten des XIII Internationalen Kongresses für klassische Archäologie (Berlin, 1988)*. Mainz: P. von Zabern. 1990. P. 51–59.
- Boucharlat R. Monuments religieux de la Perse achéménide: état des questions // *Temples et sanctuaires*. Lyon, 1984. P. 119–135.
- Boucharlat R. Pierfrancesco Callieri P. L'archéologie de Fars à l'époque hellénistique. Quatre leçons à Collège de France. 8, 15, 22 et 29 mars 2007 (Persika 11). Paris, de Boccard (2008) // *Topoi*. 2009. Vol. 16. № 2. P. 539–542.
- Boyce M. *A History of Zoroastrianism*. Vol. 2. Leiden-Köln: Brill, 1982. 306 p.
- Buchanan B. *Catalogue of Ancient Near Eastern Seals in the Ashmolean Museum*. Vol. 1. Oxford: Clarendon Press, 1966. 242 p.
- Choksy J. Reassessing the Material Contexts of Ritual Fires in Ancient Iran // *Iranica Antiqua*. 2007. Vol. 42. P. 229–269.
- Dieulafoy M. *L'acropole de Suse d'après les fouilles exécutées en 1884, 1885, 1886 sous les auspices du Musée du Louvre. Partie 3*. Paris: Librairie Hachette, 1891. 238 p.
- Erdmann K. *Das iranische Feuerheiligtum*. Leipzig, 1941.
- Francfort H.-P. Le plan des maisons gréco-bactriennes et le problème de structures de 'type mégaron' en Asie Centrale et en Iran // *Le plateau Iranien et l'Asie Centrale dès origines à la conquête islamique*. Paris: Éditions du Centre national de la recherche scientifique, 1977. P. 245–275.

- Ghirshman R. *Terrasses sacrées de Bard-è Nechandeh et Masjid-i Solaiman*. Paris, 1976.
- Godard A. Les monuments du feu // *Athār-é Īran*. 1938. Vol. 3. P. 7–80.
- Gullini G. *Architettura iranica dagli Achemenidi ai Sassanidi. Il "Palazzo" di Kuh-i Khwagja (Seistan)*. Torino, 1964. 495 p.
- Haerinck E. L'Iran méridional des Achéménides jusqu'à l'avènement de l'Islam: bilan des recherches // *Arabie Orientale, Mésopotamie et Iran méridional: De l'âge de fer au début de la période islamique*. Paris: Editions Recherche sur les civilisations, 1984. P. 299–306.
- Herzfeld E. *Iran in the Ancient East*. London: Oxford university press, 1941. 353 p.
- Houtkamp J. Some Remarks on the Fire Altars of the Achaemenid Period // *Iranica Antiqua*. 1991. Suppl. 5. P. 23–48.
- Kleiss W. Bemerkungen zu achaemenidischen Feueraltären // *Archäologische Mitteilungen aus Iran*. 1981. Vol. 14. P. 61–64.
- Koch H. Feuertempel oder Verwaltungszentrale? Überlegungen zu den Grabungen in Takht-e Sangin am Oxos // *Archäologische Mitteilungen aus Iran und Turan*. 1993. 26. P. 175–186.
- Plontke-Lüning A. Iranische Feuertempel: Genese, Entwicklung und Funktion // *Ancient West and East*. 2009. Vol. 8. P. 203–221.
- Potts D. Foundation Houses, Fire Altars and the Frataraka: Interpreting the Iconography of Some Post-Achaemenid Persian Coins // *Iranica Antiqua*. 2007. Vol. 42. P. 271–300.
- Schippmann K. *Die iranischen Feuerheiligtümer*. Berlin-New York: de Gruyter, 1971. 555 p.
- Schmidt E. *Persepolis. Vol. 2. Contents of the Treasury and Other Discoveries*. Chicago: The University of Chicago Press, 1957. 166 p.
- Shenkar M. Temple Architecture in the Iranian World in the Hellenistic Period // *From Pella to Gandhara. Hybridisation and Identity in the Art and Architecture of the Hellenistic East*. Oxford: British Archaeological Reports, 2011. P. 117–139.
- Shenkar M. On the Temple of Oxus in Bactria, III (review article) // *Studia Iranica*. 2012. Vol. 41. P. 135–142.
- Stronach D. Urartian and Achaemenian Tower Temples // *Journal of Near Eastern Studies*. 1967. Vol. 26. P. 278–288.
- Stronach D. On the Evolution of the Early Iranian Fire Temple // *Acta Iranica*. 1985. Vol. 25. P. 605–627.
- Tucci G. Рец. на: Gullini G. *Architettura iranica dagli Achemenidi ai Sassanidi. Il "Palazzo" di Kuh-i Khwagja (Seistan)*. Torino, 1964 // *East and West*. 1965. Vol. 16. P. 143–147.

REFERENCES

- Bojs M. *Zoroastrijscy: verovanija i obyčaji* [Zoroastrians: Beliefs and Customs]. St. Petersburg: Azbuka-klassika; Peterburgskoe Vostokovedenie, 2003. 352 p. (in Russian).
- Korovchinskij I.N. Ierarhija kul'tovyh ob'ektov v hrame Oksa v Tahti-Sangine [The hierarchy of cult objects in the Oxus Temple in Takhti-Sangin], in: *Vestnik Moskovskogo oblastnogo universiteta*. 2012a. № 4. P. 37–45 (in Russian).

- Korovchinskij I.N. Monumental'nye altari hrama Oksa i ego kul'ty [Monumental altars of the Oxus Temple and his cults], in: *Vestnik Moskovskogo oblastnogo universiteta*. 2012b. № 5. P. 46–50 (in Russian).
- Kruglikova I.T. *Dil'berdzhin. Hram Dioskurov: materialy sovetsko-afganskoj arheologicheskoj ekspedicii* [Temple of Dioscuri: materials of the Soviet-Afghan archaeological expedition]. Moscow: Nauka, 1986. 120 p. (in Russian).
- Litvinskij B.A., Pichikjan I.R. *Ellinisticheskij hram Oksa v Baktrii (Juzhnyj Tadžikistan). T. 1: Raskopki. Arhitektura. Religioznaja zhizn'* [Hellenistic temple of Oaks in Bactria (Southern Tajikistan). T. 1. Excavations. Architecture. Religious Life]. Moscow: Vost. lit., 2000. 503 p. (in Russian).
- Pugachenkova G.A. *Puti razvitija arhitektury juzhnogo Turkmenistana pory rabovladienija i feodalizma (Trudy JuTAKJe)* [Ways of development of the architecture of southern Turkmenistan in the period of slavery and feudalism (Proceedings of UTAK)]. T. 6. Moscow: Izd-vo AN, 1958. 492 p. (in Russian).
- Rapen K. Svjatilishha Srednej Azii v jepohu jellinizma (sostojanie voprosa) [Sanctuaries of Central Asia in the era of Hellenism (the state of the question)], in: *Vestnik drevnej istorii*. 1994. № 4. P. 128–140 (in Russian).
- Rtveladze Je.V. Frurion – svjatilishhe Kampyrtepa. (Nekotorye itogi arheologicheskikh issledovanij 2000 – vesny 2016 g.) [Phrourion, the Sanctuary of Kampyrtepa. (Some results of archaeological research 2000 – spring 2016)], in: *Vestnik drevnej istorii*. 2017. № 1. P. 152–175 (in Russian).
- Bernard P. Quatrième campagne de fouilles à Aï Khanoum (Bactriane), in: *Comptes rendus des séances de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres*. 1969. Vol. 113. № 1. P. 313–355 (in French).
- Bernard P. L'architecture religieuse de l'Asie Centrale à l'époque hellénistique, in: *Akten des XIII Internationalen Kongresses für klassische Archäologie (Berlin, 1988)*. Mainz: P. von Zabern. 1990. P. 51–59 (in German).
- Boucharlat R. Monuments religieux de la Perse achéménide: état des questions, in: *Temples et sanctuaires*. Lyon, 1984. P. 119–135 (in French).
- Boucharlat R. Pierfrancesco Callieri P. L'archéologie de Fars à l'époque hellénistique. Quatre leçons à Collège de France. 8, 15, 22 et 29 mars 2007 (Persika 11). Paris, de Boccard (2008), in: *Topoi*. 2009. Vol. 16. № 2. P. 539–542 (in French).
- Boyce M. *A History of Zoroastrianism. Vol. 2*. Leiden-Köln: Brill, 1982. 306 p. (in English).
- Buchanan B. *Catalogue of Ancient Near Eastern Seals in the Ashmolean Museum. Vol. 1*. Oxford: Clarendon Press, 1966. 242 p. (in English).
- Choksy J. Reassessing the Material Contexts of Ritual Fires in Ancient Iran, in: *Iranica Antiqua*. 2007. Vol. 42. P. 229–269 (in English).
- Dieulafoy M. *L'acropole de Suse d'après les fouilles exécutées en 1884, 1885, 1886 sous les auspices du Musée du Louvre. Partie 3*. Paris: Librairie Hachette, 1891. 238 p. (in French).
- Erdmann K. *Das iranische Feuerheiligtum*. Leipzig, 1941 (in German).

- Francfort H.-P. Le plan des maisons gréco-bactriennes et le problème de structures de 'type mégaron' en Asie Centrale et en Iran., in: *Le plateau Iranien et l'Asie Centrale dès origines à la conquête islamique*. Paris: Éditions du Centre national de la recherche scientifique, 1977. P. 245–275 (in French).
- Ghirshman R. *Terrasses sacrées de Bard-è Nechandeh et Masjid-i Solaiman*. Paris, 1976 (in French).
- Godard A. Les monuments du feu, in: *Athār-é Īran*. 1938. Vol. 3. P. 7–80 (in French).
- Gullini G. *Architettura iranica dagli Achemenidi ai Sassanidi. Il "Palazzo" di Kuh-i Khwagia (Seistan)*. Torino, 1964. 495 p. (in Italian).
- Haerinck E. L'Iran méridional des Achéménides jusqu'à l'avènement de l'Islam: bilan des recherches, in: *Arabie Orientale, Mésopotamie et Iran méridional: De l'âge de fer au début de la période islamique*. Paris: Editions Recherche sur les civilisations, 1984. P. 299–306 (in French).
- Herzfeld E. *Iran in the Ancient East*. London: Oxford university press, 1941. 353 p.
- Houtkamp J. Some Remarks on the Fire Altars of the Achaemenid Period, in *Iranica Antiqua*. 1991. Suppl. 5. P. 23–48.
- Kleiss W. Bemerkungen zu achaemenidischen Feueraltären, in: *Archäologische Mitteilungen aus Iran*. 1981. Vol. 14. P. 61–64 (in German).
- Koch H. Feuertempel oder Verwaltungszentrale? Überlegungen zu den Grabungen in Takht-e Sangin am Oxos., in: *Archäologische Mitteilungen aus Iran und Turan*. 1993. 26. P. 175–186.
- Plontke-Lüning A. Iranische Feuertempel: Genese, Entwicklung und Funktion, in: *Ancient West and East*. 2009. Vol. 8. P. 203–221 (in German).
- Potts D. Foundation Houses, Fire Altars and the Frataraka: Interpreting the Iconography of Some Post-Achaemenid Persian Coins, in: *Iranica Antiqua*. 2007. Vol. 42. P. 271–300.
- Schippmann K. *Die iranischen Feuerheiligtümer*. Berlin-New York: de Gruyter, 1971. 555 p. (in German).
- Schmidt E. *Persepolis. Vol. 2. Contents of the Treasury and Other Discoveries*. Chicago: The University of Chicago Press, 1957. 166 p.
- Shenkar M. Temple Architecture in the Iranian World in the Hellenistic Period, in: *From Pella to Gandhara. Hybridisation and Identity in the Art and Architecture of the Hellenistic East*. Oxford: British Archaeological Reports, 2011. P. 117–139.
- Shenkar M. On the Temple of Oxus in Bactria, III (review article), in: *Studia Iranica*. 2012. Vol. 41. P. 135–142.
- Stronach D. Urartian and Achaemenian Tower Temples, in: *Journal of Near Eastern Studies*. 1967. Vol. 26. P. 278–288.
- Stronach D. On the Evolution of the Early Iranian Fire Temple, in: *Acta Iranica*. 1985. Vol. 25. P. 605–627.
- Tucci G. Печ. на: Gullini G. Architettura iranica dagli Achemenidi ai Sassanidi. Il "Palazzo" di Kuh-i Khwagia (Seistan). Torino, 1964, in: *East and West*. 1965. Vol. 16. P. 143–147.